

ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА: СВОБОДА ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ ИЛИ РЕНТНОЕ ЗАБВЕНИЕ?¹

УДК 172.1

Дмитрий Александрович Давыдов

младший научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург.
Email: davydovdmitriy90@gmail.com

Статья посвящена теоретическому осмыслению феномена отчуждения. По мнению автора, современные воззрения на феномен отчуждения приводят к ошибочным прогнозам, согласно которым современный капитализм постепенно приобретает черты коммунизма (когнитивный капитализм). Данный капитализм якобы характеризуется тем, что на место материальных ценностей постепенно приходят ценности творческой самореализации, а основным фактором производства становятся знания, которые сложно капитализировать ввиду их общественного характера. По мнению сторонников данной идеи, в когнитивном капитализме постепенно достигается свободное бытие каждого (при условии преодоления потребительских установок), ибо экономика постепенно движется к изобилию, а значит – отмиранию необходимости в принудительном труде. Тем не менее автор выражает несогласие с идеей когнитивного капитализма как предшествующей коммунизму стадии общественного развития. Следует признать, что ситуация, в которой каждому предоставлена свобода творческой самореализации, отчуждает человека не в меньшей степени, чем материальная нужда и бессмысленная работа. В условиях свободной творческой конкуренции каждый должен постоянно обосновывать оригинальность и значимость своих идей. Однако стоит учитывать, что велик шанс повторения уже сказанного или продемонстрированного. Общественный характер знания и вообще всякого творчества теперь начинает отчуждать личность от ее индивидуальности, а цель дистанцируется от исполнителя. Данная конкуренция ставит человека перед выбором: либо полностью отдать себя творчеству, либо сойти с дистанции, довольствуясь посредственными результатами. В итоге общество минимальной материальной обеспеченности окажется не коммунизмом, а рентным обществом. Такое общество поделено на большинство, состоящее из живущих за счет общественных ресурсов рэнтье, и производительный «когнитивный» класс.

Ключевые слова: капитализм, когнитивный капитализм, коммунизм знаний, отчуждение, посткапитализм, рентное общество.

¹ Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ № 15-03-00124 «Возвышение и кризис демократии в рентной перспективе».

В последние годы все чаще говорят о грядущем закате капитализма. И дело здесь даже не столько в массовом стремлении преодолеть назревшие противоречия, сколько в структурных трансформациях, пока еще малозаметных, но весьма перспективных. Такие авторы как А. Горц [Горц 2010] и Дж. Рифкин [Rifkin 2014] видят будущее, в котором изобилие материальных благ, творческая и добровольная деятельность приходят на смену отчужденному бытию в мире нужды. Может показаться, что старая марксистская идея общества изобилия, в котором каждый может реализовать свои внутренние потенции, постепенно начинает воплощаться сама собой внутри капитализма.

Р. Коллинз обращает наше внимание на постепенное технологическое замещение нетворческих профессий. Технологическое замещение обгоняет процесс «расширения» капитализма и создания беловоротничковых рабочих мест [Коллинз 2010]. Современное общество способно производить колоссальное количество материальных благ, однако все больше и больше людей остаются без работы или пополняют ряды так называемого *прекариата* – класса, представители которого не видят дальнейших перспектив, не имеют стабильного рабочего места и в целом не чувствуют себя в безопасности [Стэндинг 2014]. В то же время в информационном и постиндустриальном обществе большую роль играют *творчество и наука*, которые капитализм облачает в форму так называемого человеческого капитала. Результаты интеллектуального труда приватизируются, становясь источником обогащения глобальных корпораций, стремящихся уничтожить друг друга в бесконечных патентных войнах.

Тем не менее сегодня проблемы нередко представляются в виде возможностей. Прекариат борется за так называемый *базовый доход* – минимальный набор материальных благ, который должен быть доступен каждому в развитом обществе, чтобы обеспечить удовлетворение базовых потребностей. Идея базового дохода отнюдь не нова. Еще Э. Фромм, например, писал, что самый первый шаг на пути к построению «здорового общества» – предоставить каждому возможность спокойно жить, не испытывая нужды. Это якобы освободит людей от материальной необходимости и (при некоторых других обстоятельствах) побудит их стремиться к активной творческой деятельности [Фромм 2009]. С другой стороны, А. Горц замечает, что творческий труд, результирующий ростом совокупного знания, очень сложно капитализировать и приватизировать [Горц 2010]. Он словно загоняется капитализмом в узкие рамки, искусственно созданные ради своеобразной квазиенты – нетрудового дохода, который можно извлечь только за счет преимущества, владения исключительным «правом на знание».

В итоге, по мнению таких авторов как Горц, в современном *когнитивном капитализме* зреет зачаток *коммунизма*. Остается создать необходимые культурные условия, в которых люди стремились бы не потреблять, а созидать. С другой стороны, само по себе производимое знание следует, по мнению Горца, обобществить, сделав его всеобщим достоянием. Горц замечает, что для современных творческих людей важнее признание и самореализация, нежели материальное благополучие. Таким образом, в фигуре

креативщика или ученого можно усмотреть уже какие-то черты коммунистического идеала нового человека, постепенно высвобождающегося от всякого отчуждения. Он уже начинает принадлежать самому себе и творить мир вокруг себя сообразно своей личности.

Но допустим, что мы в конце концов придем к такому обществу, в котором каждый обеспечен базовым доходом и не нуждается ни в чем. Допустим даже, что в таком обществе свершится культурная революция, и больше не будет манипуляций желаниями и безмерного потребления. Воспользуются ли люди этим положением, чтобы реализовать весь свой внутренний потенциал? Увидим ли мы общество, свободное от отчуждения?

Является ли коммунизм знаний панацеей от отчуждения? Мы привыкли связывать отчуждение с капитализмом и предшествующими ему формациями, с эксплуатацией трудящихся или логикой рынка, сводящей все и вся к деньгам и товарам. Данная тенденция берет начало в трудах К. Маркса [Маркс 2012], который считал, что в условиях капитализма труд человека превращается в товар. Как пишут Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», отчуждение – это «закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты» [Маркс, Энгельс 1955: 32].

Рабочий продает свою рабочую силу капиталисту, и с тех пор не может распоряжаться своими возможностями, видеть результат своего труда. Торговля, автоматизация производства и разделение труда фрагментируют процесс производства, разделяют его на совокупности рутинных операций. В этих условиях рабочий превращается в придаток машины. Соответствующим образом меняется и его сознание. Маркс называет такой труд скотским. Рабочий фундаментально несвободен, его внутренние (собственно, человеческие) потенции не раскрыты, он не чувствует себя творцом чего-то *своего*. Напротив, все усилия его направлены на удовлетворение природных потребностей посредством труда, принадлежащего не ему. Как пишет Маркс, «производство производит человека не только как товар, не только человека-товар, человека с определением товара, оно производит его, сообразно этому определению, как существо духовно и физически обезчеловеченное» [Маркс 1974]. Рабочий всего лишь придаток чуждого ему мира капитала, в котором правят корысть и погоня за сверхприбылями.

Позже определение слова «отчуждение» несколько расширилось. У представителей Франкфуртской школы отчуждение характеризует не только труд, но и культуру. У Э. Фромма [Фромм 2009] отчужденный человек – это потребитель, стремящийся к *обладанию*. Потребитель идентифицирует себя с вещами, его самость немыслима без потребляемых предметов. Вне этих предметов человек *никто*. Отсюда вытекают перманентные депрессии и ощущение бессмысленности, пустоты. Товарный фетишизм порождается капитализмом, ибо капитализм немыслим без расширения потребления. С самого рождения человек погружается в среду, в которой господствуют средства массовой информации, нацеленные на создание новых потребностей.

Концепту отчуждения противопоставлен концепт полноценной свободной творческой личности. Личность реализует свой *внутренний* потенциал в обществе. Фромм полагает, что личность определяется не потреблением, а *бытием*, то есть активностью, созиданием, творением. Творческий человек сам ставит цель, сам ищет средства ее достижения. Представляя свои труды обществу, человек как бы преодолевает свою природную ограниченность, заявляет о своей целостности.

Каков рецепт избавления от отчуждения? Для ряда марксистов он в общих чертах универсален: это преодоление капитализма, а вместе с этим и потребительства, построение общества, цель которого – способствовать полноценному развитию личности. Разница заключается в целях и методах достижения желаемого. Печальный опыт СССР заставил большую часть авторов пересмотреть их взгляды на *роль государства* и бюрократии в процессе построения коммунизма. Есть некое общее умонастроение: найти такое решение, при котором коммунизм возник бы скорее как культурное явление, а затем распространился и вытеснил те социальные, экономические и политические институты, которые подпитывают капитализм. О таких чисто марксистских терминах как «диктатура пролетариата» или «обобществление государством средств производства» многие стараются не говорить. Этот путь объявлен порочным (особенно в российской академической среде).

Подробнее мы остановимся на популярной ныне концепции *когнитивного капитализма* А. Горца. Горц видит зачаток коммунизма (коммунизма знаний) в современном обществе знаний [Горц 2010]. Он замечает, что знание сегодня представляют как новую форму капитала – человеческого капитала. Знание становится определяющим фактором производства в наукоемкой экономике, и за этот капитал ведут ожесточенную борьбу все ведущие корпорации мира. Однако сам по себе процесс создания и распространения знания чужд капиталистическому миру. Знание крайне сложно формализовать, количественно измерить, а главное – присвоить. Знание в один щелчок компьютерной мыши становится общественным достоянием. Оно постоянно утекает, просачивается сквозь барьеры, искусственно устанавливаемые капиталистами. Сами же капиталисты занимаются не столько производством знания, сколько борьбой за монопольное пользование им через систему патентов. Развитие экономики знаний – это по сути формирование благоприятной почвы для будущего коммунизма.

Меняются и личностные качества тех людей, кто занят производством знания. Как пишет Горц, «личность уже не подчинена внешнему принуждению, напротив, она превратилась в собственного производителя, работодателя и продавца» [Горц 2010: 33]. Тот, кто занят творческой деятельностью, нередко ставит идею выше материальных выгод. Для многих творческих людей важен мотив личностной самореализации. В защиту своей точки зрения Горц приводит разработчиков бесплатного компьютерного софта: «...разработчиком свободной программы движет исключительно желание общаться, действовать совместно, осуществлять социализацию и специализацию не за счет обмена услугами, а через отношения симпатии» [Горц 2010: 91]. Такая смена приоритетов не всегда выгодна капиталистам.

Меньшая заинтересованность творческих людей в материальном благополучии приводит в конце концов к возникновению подрывных для капитализма группировок, периодически вставляющих палки в колеса информационным капиталистам (многочисленные пираты и хакеры, например).

В принципе вышесказанное, согласно Горцу, означает, что современное общество уже как бы одной ногой преступило порог коммунизма. Остается последний, но очень трудный шаг – избавиться от капитализма в целом и от неолиберализма в частности. Единственное, что еще держит творческих людей в узких рамках капитализма – это потребность в хлебе насущном. Неолиберализм отнял у людей социальную поддержку и сделал их уязвимыми. Необходимо, следовательно, государству дать людям минимальные материальные гарантии, то есть выплачивать так называемые пособия на существование. Это обеспечит возможность «свободного развития без принуждения к рыночному труду» [Горц 2010: 95]. В итоге мы получим общество, в котором труд перестает быть средством, становясь целью, формой личностной самореализации. Здесь знания распространяются свободно, а целью деятельности людей становится то самое неотчужденное *бытие*.

Теория Горца впечатляет своей логической стройностью, однако у нас она вызывает большие сомнения, особенно в том месте, где говорится о преодолении отчуждения. Горц, на наш взгляд, предельно упрощает переход к неотчужденному бытию.

Насколько мы знаем, ни Маркс, ни Энгельс так и не оставили после себя подробного описания того, *каким* будет коммунистическое общество и *каким конкретным образом* люди коммунистического строя будут становиться всесторонне развитыми личностями. В «Критике Готской программы» Маркс пишет, что «после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда..., труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью; ... вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства» [Маркс 1961: 20]. Более детального описания коммунистического общества мы у Маркса и Энгельса не найдем. Но что значит всестороннее развитие индивидов? Определенно это не означает, что у каждого будут реализованы все возможные умения и навыки. Напротив, скорее речь здесь идет о том, что всесторонне развитая личность – это тот, кто может *полноценно развиваться*: хорошее здоровье, моральные и нравственные качества, профессионализм и т.п. Но можно ли *только так* охарактеризовать неотчужденную личность будущего?

На наш взгляд, феномен отчуждения не отомрет ни после ликвидации частной собственности, ни после отмирания государства, ни даже после того, когда ценности самореализации восторжествуют, и каждый будет обеспечен уймой свободного времени и материальных благ. Маркс и Энгельс, борясь с философскими спекуляциями, свели анализ проблемы целостной личности к рассмотрению особенностей производственных отношений. Но это слишком сильно ограничивает представление о феномене отчуждения. Ф. Юнгер, например, обращает наше внимание на отчуждающий характер

техники как таковой [Юнгер 2002]. Мир технического прогресса – это мир бесконечных изменений, под которые вынужден подстраиваться человек. Благодаря технике человек научился точно измерять время, но это привело к тому, что он потерял, собственно, *свое* время. Теперь время подчиняет его своему ускоряющемуся темпу. Техника здесь представлена не только как элемент производственных отношений, но также и как нечто само по себе влияющее на жизнь индивидов.

Возникает вопрос, как эти свободные от материальной нужды люди будут добиваться личностной самореализации? У Н. Бердяева, например, личность – это «универсум, микрокосм и в известном смысле весь мир... ей принадлежит» [Бердяев 2010: 37]. Личность есть нечто целостное, выходящее за пределы своего эмпирического Я (как правило, через соотнесенность с обществом). Но в то же время в личности всегда заключено «индивидуальное..., единственное в своем роде, оригинальное, отличающее от другого и других» [Бердяев 2010: 40]. Х. Арендт уже соотносит личность с именем, с памятью о неких *выдающихся поступках*. Именно поэтому она приводит в пример греческий полис, в котором свободные граждане стремятся проявить себя, чтобы оставить след в истории, то есть хоть каким-то образом ответить на неизбежный вызов смерти. Как пишет Арендт, «полис заботился о том, чтобы восхищение современников не угасало среди потомков» [Арендт 2010: 261].

Но одно дело небольшой полис, а другое дело – массы людей, которые высвободились от жизненной нужды и спешат найти свое *истинное Я*. Пока оставим в стороне все очевидные реалии современного общества (здесь мы имеем в виду несвободу от навязываемых желаний и потребительства) и допустим, что наблюдаем общество, в котором каждый стремится к творческой самореализации. Будет ли это одновременно свободное от отчуждения общество? Позволим себе усомниться в утвердительном ответе на данный вопрос, поскольку отчуждение – это также, на наш взгляд, осознание человеком того, что его усилия *ничтожны*.

Образец для подражания у Горца – ученый. Но и ученый, занимающийся грандиозными исследованиями, может чувствовать себя отчужденным, если плоды его деятельности тонут в массах аналогичных усилий. Он не действует в одиночку. На его проблему, как правило, обращен взор других его коллег. И чем больше людей смотрят в одну сторону, тем сильнее предмет их усилий дробится, становясь мизерным. В итоге уже не один человек разрешает проблему, а коллективный разум, которому невозможно приписать какую-либо индивидуальность. Тогда единственным способом взять верх над другими, выделиться, записать свое имя в историю окажется беспредельный фанатизм, то есть по сути уничтожение человечности, немислимой без свободного времени, без любви и эмоций.

Можно здесь возразить, будто бы пределов человеческой изобретательности нет, и вместо бесконечного нарастания творческой конкуренции в каких-то областях желательно быстрое расширение самого пространства деятельности (то есть появление новых культурных ниш). Но и это сомнительно, ибо современные коммуникационные технологии позволяют

людям быстро группироваться вокруг тех или иных проблем. Современная техника обеспечивает мгновенные отзывы и реакции. Она не оставляет никаких слепых ниш, которые мог бы обнаружить *кто-то*; напротив, все просматривается, все заполняется, а потому уже не нужна личность как что-то *единичное*.

В обществе, в котором приоритетным мотивом к действию является творческая самореализация, если это общество допускает неограниченную свободу творчества, отчуждение неизбежно. И это будет самое жестокое отчуждение, ибо под ударом окажется самое потаенное – Я человека, уже почувствовавшего смысл подлинной свободы, но тут же представленного перед беспощадной конкуренцией за новые идеи, смыслы или подходы. Нет ничего худшего, чем ощущение бессмысленности усилий там, где мы привыкли видеть «свободный творческий полет».

Идее о том, что истин и смыслов беспредельное множество, мы бы хотели противопоставить идею о том, что истины и смыслы не могут растягиваться до бесконечности, а значит процесс постижения подразумевает постепенную специализацию и детализацию в закономерно возникающих направлениях. Чем больше деталей, тем они мельче, а потому теряется та фундаментальность (и даже сакральность), которую мы приписываем классикам и первооткрывателям. Не бесконечно (в обозримых перспективах) количество позиций и высказанных точек зрения. Есть конец, предел творческого воображения и изобразительного чувства. Человек, вступающий в мир ускоряющегося постижения, неизбежно оказывается перед выбором: пассивно плыть по течению или попытаться создать что-то *новое*. Однако помимо нас, познающих что-то новое, существуют другие такие же познающие, покушающиеся на нашу новизну. В итоге познанная нами истина с опережением становится уже *не* нашей истиной, словно бы мы продавали аналогичный продукт, который в любом случае возникнет в скором времени и без наших усилий.

Можно также усомниться: не является ли наше представление о человеке как о борце за свои идеи еще в некоторой степени обусловленным капиталистическим мировидением мира конкурентной борьбы? Разумеется, возможно представить себе общество, где сложилась культура, в рамках которой индивиды не хотят выделять себя из толпы – они занимаются тем, что им «просто нравится». Но как еще иначе называть эти занятия, кроме бесполезной траты времени? Будет ли человек ощущать себя полноценным, *полезным общественным существом*, если его старания банальны? В чем тогда смысл коммунистического бытия? Конечно, можно говорить, что творческое развитие и стремление к самовыражению – это не всегда одно и то же. Ссылаясь на Арендт, мы якобы искусственно сузили значение слова «личность». Можно допустить, что лицемерие своих трудов, даже если о них не написано в учебниках и о них не слагают легенды, и есть уже достаточное условие достойной жизни. Однако проблема именно в том, что в условиях «массового самовыражения» невозможно будет найти что-то, относящееся с неразрывным бытием личности. Личность невозможна без *собственной истории*, которую она рассказывает сама себе или ближайшему

окружению. Если нет тех областей, где можно с полной силой *проявить* себя, то о чем будут слагаться эти истории? Немногие счастливики выиграют отчасти по стечению обстоятельств и выдадут что-то, что еще хоть как-то можно назвать *выдающимся*. Но разве об этом идея коммунизма?

Отчуждение после капитализма: на пути к рентному обществу. Горц не дает нам каких-либо конкретных рекомендаций, как перестроить общество и направить его в сторону коммунизма. Он просто предлагает сделать первый шаг на пути к социализму – ввести пособия на существование, которые смог бы получать *каждый*. Это что-то вроде возврата к практикам государства всеобщего благосостояния, только более радикальное, ставящее под удар монопольное право глобальных корпораций на востребованную истину.

Однако данная мера, на наш взгляд, приведет совсем не к коммунизму, а к радикально поляризованному обществу, поделенному на тех, кто еще в силах бороться за что-то действительно выдающееся, и на потребителей-*рантье*, проедающих то, что произведено представителями высшего «когнитивного» класса.

Мир идей – это мир безмерного трудолюбия, в котором выживает наиболее талантливый и усердный. Чем более отчужденным этот мир будет, тем большее количество людей начнут ощущать свое бессилие. При этом отторжение вызовет не только бессилие, но и *бессмысленность* бесконечной погони за новыми идеями, которая в итоге скатывается в протитуирование своим в большем числе случаев посредственным творчеством, попытками обозначить своим именем нечто возникающее в результате стихийной коллективной деятельности.

Альтернатива философии трудолюбия – культ обыденности, потребительство (когда покупают и делают то, что «просто нравится»). Меньше потреблять, но при этом еще меньше работать – вот девиз истинных *рантье*. По мере дальнейшего роста производительных сил и автоматизации производства общественная рента, выдаваемая каждому ради освобождения от принудительного труда, окажется кормушкой для тех, кто бежит от существующего отчуждения ради еще большего, но одновременно «легкого» отчуждения. Тот, кто чувствует себя пылью среди бушующих стихий, неизбежно соблазнится жизнью в том пространстве, которое остается *осязаемым*. Это пространство обыденности, в котором вместо труда и преследования общественно важных целей остается совместное проживание в свое удовольствие.

Но труд – это не просто что-то чуждое и принудительное, как о том писали Маркс или Арендт. Можно также предположить, что труд подпитывает всякую повседневную мораль. Труд дисциплинирует, устанавливает четкие рамки, в которых нечто потребляемое дается в вознаграждение за некие испытанные неудобства или даже муки. Благодаря труду пространство воспринимается как совокупность ограничений, требующих приложения усилий или самосовершенствования. Отсюда прямая связь с моралью: труд (начинающийся на самом деле со школьной скамьи) формирует соответствующую установку, готовность на внутренние самоограничения. Иными

словами, труд готовит почву для всякой морали, ибо мораль немыслима без самоограничений.

Нам могут возразить, что в феодальные времена существовал относительно многочисленный класс рантье-землевладельцев, многие представители которых становились писателями, поэтами или учеными, придерживались рыцарских этикетов и в целом вели одухотворенную жизнь. Однако и в те времена быть дворянином означало также *служить*, то есть исполнять долг перед тем, кто тебе дал все имеющиеся привилегии. Кроме того, не стоит забывать, что в ту эпоху сама жизнь была своеобразным трудом, независимо от сословной принадлежности. Смерть и муки лишений поджидали человека всюду.

Наш рантье свободен от труда, но его уже мало что сдерживает от скатывания в состояние *небытия*. В таком состоянии человек теряет представление о справедливом вознаграждении или волевом преодолении. Он только получает, то есть подобен ребенку, который не знает слова «нельзя» или «должен». В рентном обществе государство действительно может отмереть (как о том твердят классики коммунизма), но не потому что достигнут определенный уровень духовного совершенства и все живут в мире, а потому что уже больше нет повода для насилия: человек превращается в безобидное растение, которому вполне хватает солнечного света.

Рентное общество есть неизбежное следствие проекта¹, в котором постулируется приоритет свободной, а значит *конкурентной* творческой самореализации. Такое общество возможно только в условиях всеобщего материального изобилия, которое и послужит благодатной рентной средой для миллиардов выбитых из конкурентной борьбы или попросту сознательно отказывающихся преследовать никому не нужные цели. Ибо ситуация представлена здесь так, что *персонально* в твоих услугах никто не заинтересован, и тебе следовало бы еще доказать свою полезность. Но одновременно с тобой доказывают свою полезность сотни тысяч человек, как будто бы и *без тебя все могли бы легко обойтись*. В конце концов твое ближайшее окружение, все более и более становящееся рантье, вполне довольно тем, что у них уже имеется. Ты бы и мог заниматься творческой деятельностью, но все, что бы ты не делал, является лишь повторением уже созданного кем-то, а потому вероятность сотворить что-то действительно новое минимальна. Зачем тратить силы и время, если их можно посвятить *самому себе*? Все рано или поздно приходит в равновесие, а потому оптимальное состояние для рентного общества – это миллиарды бесцельно прожигающих свою жизнь рантье и лишь сотни тех, кто еще может наладить конструктивный диалог в пространстве, в котором можно проговорить свое имя, а потому оставаться настоящей *личностью*.

Знание, действительно, сложно измерить, и оно весьма летуче – легко обобщается, становясь всеобщим достоянием. Но одновременно оно также легко отчуждается от всякой единичности, легко ускользает от того, кто стремится быть *кем-то* посредством его производства.

¹ См.: [Фишман, Давыдов 2015].

Есть ли альтернатива рентному обществу? Маркс и Энгельс обосновали концепцию отмирания государства. В коммунистическом обществе, по их мнению, нет нужды в насилии, а потому нет нужды в основном инструменте эксплуататорского упорядочивания – в государстве. Однако следует помнить, что коммунизм у этих авторов не означает замкнутое сожителство общин производителей и отсутствие какого-либо органа коллективной самоорганизации и координации действий. Напротив, «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами» [Энгельс 1973]. Демократия трудящихся и централизованная система распределения, придерживающаяся универсальных принципов справедливости – вот то, без чего невозможен подлинный коммунизм. Но такой подход слишком узок, ибо подразумевает, что свобода от материальной нужды означает свободу от отчуждения, то есть прямой путь к гармонии и свободному творчеству. Следовательно, государство отмирает там, где достигнуто материальное изобилие, больше нет классовой и какой-либо другой вражды, а сами люди достаточно культурны. Скорее всего это не так.

После распада СССР плановая модель экономики оказалась очерненной и вытесненной на периферию интеллектуальных дискуссий. Ее критики подчеркивают, что она не дает должных стимулов, не порождает соответствующую самоотдачу, ибо не обостряет жизнь людей беспредельной конкуренцией. В задачи настоящей статьи не входит осуждение опыта Советского Союза и причины его заката (здесь поле для дискуссий до сих пор не распаханно до конца). Однако очевидной недальновидностью будет считать печальный опыт нескольких воплощений общей идеи свидетельством ущербности самой идеи. В конце концов и тот самый «успешный» капитализм не существует отдельно от культурных обстоятельств, в которые он помещен. Не стоит забывать протестантскую этику, а также стремление каждого во всем подражать высоким стандартам потребления, диктуемым праздным «элитным» классом [Веблен 1984]. В целом многочисленные обстоятельства жизненной нужды и воспитывали в людях трудолюбие.

Все эти ситуации далеко не бессмертны. И сам капитализм сегодня уже начинает мутировать, становясь рентным обществом. Добившись определенного уровня материального благосостояния, капитализм неизбежно начнет порождать увеличивающуюся прослойку рантье. При этом неважно, будут ли введены пособия на существование (и вообще будет ли государство каким-либо образом возвращаться в свое прежнее *социальное* состояние). Там, где установка к максимизации прибыли путем трудолюбия и усилий сменяется установкой к минимизации издержек и максимизации свободного времени, неизбежно скатывание в рентное состояние. В таком состоянии капитализм начнет уничтожать сам себя, подстраиваясь под спрос рантье: производство как можно более дешевых продуктов, дающих иллюзию безопасной, нескудной и насыщенной жизни по минимальной цене.

Вернемся к Марксу и Энгельсу. Как говорилось выше, Маркс и Энгельс мечтали об обществе изобилия, в котором труд из средства превращается в удовольствие, цель. Но они мало говорят о том, *что* же должно определять

смысл и цель свободного творчества. В действительности в коммунистическом обществе данные смысл и цель могут определяться только через соотнесенность с общественной пользой. Однако *фундаментальный* смысл акт полезного действия обретает только в случае какой-либо исключительной потребности в нем. Чем глубже и острее эта потребность, тем более отчетлив *лик* того, кто созидает. Но это только одна сторона медали, ибо не менее важен *непосредственный контакт* между тем кто творит что-то и тем кто это принимает. В данной ситуации акт творения не отчуждается от его носителя, ибо сам человек осознает, что это *именно он* может и готов сотворить то, без чего кому-то было бы гораздо хуже.

В описанной выше ситуации «отчуждения после капитализма» нет никаких фигур и их взаимоотношений, а есть абстрактные проблемы и массы их абстрактных решателей. Здесь творящий скорее *навязывает* свое творчество другому с целью получить «добродетельный» статус. Никто при этом не обладает никакой исключительностью, а потому постепенно теряется связь действия и результата, смысл и цель.

На ум приходит другая возможная ситуация. В ней все же существует централизованный субъект в виде государства. Этот субъект уже не обременен заботами о материальной нужде. В конце концов вместе с автоматизацией производства возможна и автоматизация рутинной бюрократии. Это скорее творческий коллективный субъект, цель которого обеспечить подлинный коммунизм. Вряд ли в таком коммунизме о каждом будут написаны главы в учебниках. Однако можно пойти другим путем: дать ощущение каждому того, что в нем есть *реальная* потребность. Наше идеальное государство не плодит конкуренцию ради как можно более эффективного разрешения ограниченного набора проблем, а стремится расширить количество новых областей, требующих приложения усилий. Разумеется, такое государство ведет диалог *персонально с каждым*, находит персонально каждому возможность сделать что-то реально полезное. Такое государство созидает подлинный справедливый социализм, в котором важнейшим компонентом (до поры до времени?), воспитывающим дух и волю, является труд.

Материал поступил в редколлегию 15.05.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арендт Х. 2010. *Vita activa, или О деятельной жизни*. М. : Алетей. 378 с.
Бердяев Н. 2010. *О рабстве и свободе человека*. М. : Астрель. 317 с.
Веблен Т. 1984. *Теория праздного класса*. М. : Прогресс. 367 с.
Горц А. 2010. *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М. : Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. 208 с.
Коллинз Р. 2010. *Технологическое замещение и пределы капитализма: выходы и тупики* // Полит. концептология. № 1. С. 35-50.
Маркс К. 1961. *Критика Готской программы* // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М. : Изд-во полит. лит. Т. 19. С. 9-32.

Маркс К. 1974. Экономическо-философские рукописи 1844 г. [Электронный ресурс] // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М. : Изд-во полит. лит. Т. 42. С. 41-174. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/marxk01/index.htm> (дата обращения: 12.05.2015).

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М. : Изд-во полит. лит. Т. 3. С. 7-544.

Стэндинг Г. 2014. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс. 328 с.

Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. 2015. От капитализма к рентному обществу? // Полития. № 1. С. 39-54.

Фромм Э. 2009. Иметь или быть? М. : АСТ. 448 с.

Энгельс Ф. 1973. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М. : Изд-во полит. лит. 484 с.

Юнгер Ф. Г. 2002. Совершенство техники. СПб. : Владимир Даль. 558 с.

Rifkin J. 2014. *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, The Collaborative commons, and the Eclipse of Capitalism*. London : Palgrave Macmillan Trade. 368 p.

References

Arendt H. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita activa and the human condition], Moscow, Aleteyya, 2010, 378 p. (in Russ.).

Berdyaev N.A. *O rabstve i svobode cheloveka* [Slavery and freedom], Moscow, Astrel', 2010, 317 p. (in Russ.).

Collins R. *Tekhnologicheskoe zameshchenie i predely kapitalizma: vykhody i tupiki* [Technological displacement of labour: outputs and deadlocks], *Polit. kontseptologiya*, 2010, no. 1, pp. 35-50. (in Russ.).

Engels F. *Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedennyi gospodinom Evgeniem Dyuringom* [Anti-Dühring. Herr Eugen Dühring's revolution in science], Moscow, Izd-vo polit. lit., 1973, 484 p. (in Russ.).

Fishman L.G., Davydov D.A. *Ot kapitalizma k rentnomu obshchestvu?* [From capitalism to rent society?], *Politiya*, 2015, no. 1, pp. 39-54. (in Russ.).

Fromm E. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?], Moscow, AST, 2009, 448 p. (in Russ.).

Gorz A. *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [The immaterial. Knowledge, cost and capital], Moscow, Gos. un-t – Vyssh. shk. ekonomiki, 2010, 208 p. (in Russ.).

Jünger F.G. *Sovershenstvo tekhniki* [The perfection of technology], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2002, 558 p. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g.* [Economic and philosophic manuscripts of 1844], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, Moscow, Izd-vo polit. lit., 1974, vol. 42, pp. 41-174, available at: <http://www.psylib.org.ua/books/marxk01/index.htm> (accessed 12 May 2015). (in Russ.).

Marx K. *Kritika Gotskoy programmy* [Critique of the Gotha Program], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, Moscow, Izd-vo polit. lit., 1961, vol. 19, pp. 9-32. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, Moscow, Izd-vo polit. lit., 1955, vol. 3, pp. 7-544. (in Russ.).

Rifkin J. *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, The Collaborative commons, and the Eclipse of Capitalism*, London, Palgrave Macmillan Trade, 2014, 368 p.

Standing G. *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The precariat], Moscow, Ad Marginem Press, 2014, 328 p. (in Russ.).

Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of the leisure class: an economic study of institutions], Moscow, Progress, 1984, 367 p. (in Russ.).

Dmitrii A. Davydov, Junior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg.
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

AFTER CAPITALISM: THE END OF ALIENATION OR RENTAL ERASURE?

Abstract: The article is devoted to theoretical understanding of the alienation phenomenon. According to the author, modern views on the alienation phenomenon lead to erroneous forecasts, according to which modern capitalism gradually develops the communism of knowledge. This modern “cognitive capitalism” is characterized by the fact that instead of material assets creative self-realization and knowledge becomes the main factor of production, which is difficult to capitalize due to its public nature. According to the proponents of this idea, in cognitive capitalism personal freedom of being is gradually achieved (with the condition of overcoming consumerism), because the economic sphere moves towards abundance, as well as the regression of the need for compulsory labor. Nevertheless, the author expresses his disagreement with the theorists of cognitive capitalism as something prior to communism. According to the author, situation, in which everyone has a freedom of creativity, alienates a person no less than material poverty or forced and meaningless labor. Under the free competition of creativity, everyone has to justify constantly the originality and the significance of his/her ideas. However, it should be taken into account that there is a great chance for the reiteration of what has been said or demonstrated. The public nature of knowledge and creativity begins to alienate a person from his/her identity by distancing the purpose from the performer. This competition puts a person before a choice: to devote oneself completely to creativity or to give up being satisfied by the mediocre results. As a result, according to the author, the society of guaranteed minimal material wealth would be not communistic but rent-oriented (rent society). Such a society is divided into the majority, consisting of those lived at the expense of public resources rentiers, and the productive “cognitive” class. In this regard, the author tries to find some alternatives to such an unfavorable scenario.

Keywords: capitalism, communism, cognitive capitalism, alienation, post-capitalism, rent society.